

Клюев Николай

КЛУ

СТРАШНЫЕ СНЫ КЛЮЕВА

Независимая газ. — 1994. —
25 окт. — С. 7.

К 110-летию со дня рождения поэта

Инна Ростовцева

Мифологии

ЕСТЬ НЕРАЗГАДАННАЯ уникальность жанра... Она важна не только для изучения творчества поэта, но и для постижения того «темного корня» бытия, из которого произрастают «люди и положения», а мир открывается художнику, по слову Германа Гессе, как тайна и рана. В XIX веке были сны героев. На смену им пришли — сны автора. Но есть еще одна разновидность снов, открытая Хорхе Луисом Борхесом в XX веке: «Сон — это жанр, страшный сон — тема».

Как рождаются страшные сны? «Понемногу уходит из жизни и памяти все. Да и сама жизнь человека, должно, стала короче, и только длиннее осенняя ночь! В осеннюю долгую ночь кружатся теперь воспоминанья, как листья с плакучей березы... стоит она нищенкой под окном и отряхает слезу за слезой на дорогу, сметает ветер листья к забору, и дождь прибывает к земле!»

Когда Сергей Клычков в 1927 году опубликовал эти строки в романе «Князь мира» (в первой публикации — «Темный корень»), то его современник Николай Клюев был еще жив. Но, словно предчувствуя, что жизнь его будет короче и страшнее, чем длинная осенняя ночь, он рассказывал сны, как воспоминания о будущем, близким людям — вытегорскому другу, музейному работнику Николаю Ильичу Архипову и московской знакомой, «духовной сестре» Надежде Федоровне Христофоровой-Садовой...

Можно ли записать сны, не утратив их блистательной реальности, если даже образ сна в памяти есть его жалкое подобие? Пример с записью клюевских снов показывает, где проходит граница опыта — обретений и утрат. Когда сны писались сразу же и под диктовку самого поэта, как это имело место с Архиповым в 20-е годы, мы слышим подлинный голос Клюева, и подлинность не вызывает сомнений. В другом случае, как это было с Христофоровой-Садовой, слышавшей сны в начале 30-х годов, но «передавшей» их по памяти году в 1967-м, нам приходится довольствоваться снами, прошедшими обработку. Сну, фрагментарному и единовременному, придана повествовательная форма, сохранены сюжеты, но бесследно утрачена неповторимая художественность. В соответствии с этим существенным различием составитель А.И. Михайлов разделил публикуемые сны на две части («Новый журнал», Л., 1991, № 4).

Сны Клюева из части первой — и это немаловажно при объяснении природы жанра — прежде всего художественные произведения, возможно, наиболее архаичный из способов художественного выражения.

Это — сны Поэта. Их отличительная черта — лиризм, причем не только в интонации, в зачинах, в кольцевом обрамлении, характерном для стихотворения в прозе («В солнце стоял я, как пчела в меду, потонул в лучистом злате... Очнулся я улыбкой блаженным, как

пчела в меду, сердце топилось»), но и в отношении автора, в оценке сна, выражающейся нередко в заглавиях: «Сон аспидный», «Сон блаженный», «Львиный сон» или в концовках: «Проснулся обрадованный», «К чему бы это?», «Троицким тонким хладом веяло над землей... Пролил я слезы...»

В сердце сна запрятан образ: живое древо, мертвая голова, пресветлое солнце, седьмое кольцо, лебяжье крыло, пучина кромешная. И — как в сказке — его нужно человеку разгадать, пройдя через строй испытаний и условий: «Вдруг вижу я, идет мне навстречу...»

Это — русские сны. Одна из устойчивых жанровых примет сказки — выбор пути — присутствует и здесь, в клюевских снах, но он соотносится вплотную с реальными действительности, с литературной жизнью 20-х — 30-х

страшусь я, и жгу сам развязки... И беглец я, и скорый гонец! Так у самой затейливой сказки нехороший бывает конец», чтобы понять, сколь трагично переживали новокрестьянские поэты свое бездорожье. И больше — начавшееся планомерное перекрытие кислорода деревне, крестьянам и их певцам, проводимое в жизнь официальной политикой тоталитарно-окрепшего советского государства.

Сны Клюева — страшные сны. Эффект ужаса вещей символики тем более впечатляющ и зловещ, что произрастает из самой что ни на есть реальной и легкой узнаваемой обыденности 20-х — 30-х годов, хорошо знакомой нам по прозе Платонова и Булгакова, Замiatина и Леонова, где «серая по ногам земля, с жилами, как стиральное мыло», где «по ту сторону и по другую лавчонки

что он перескочил в иное время — страну обетованную, неприкосновенную землю. Но есть сны, где спасение не приходит ниоткуда, и на читателя веет жуткой безысходностью случившегося. Непоправимой бедой. Так, как это и было в жизни...

Сны Клюева — сны пророческие. Это, как говорится, сон в руку. Ибо в нем точно предугадана трагическая судьба близких современников поэта — С. Клычкова и др., да и своя собственная насильственная гибель, до которой оставалось — если счет вести от первого сна, помеченного 1922 годом, — 15 лет, а от последнего (начало 30-х годов) всего лишь 5 — 6 (Клюев был арестован в феврале 1934 г., расстрелян — в 1937 г.).

И теперь, когда головы наши Погарила судьба палачу, Перед страшной кровавою чашей

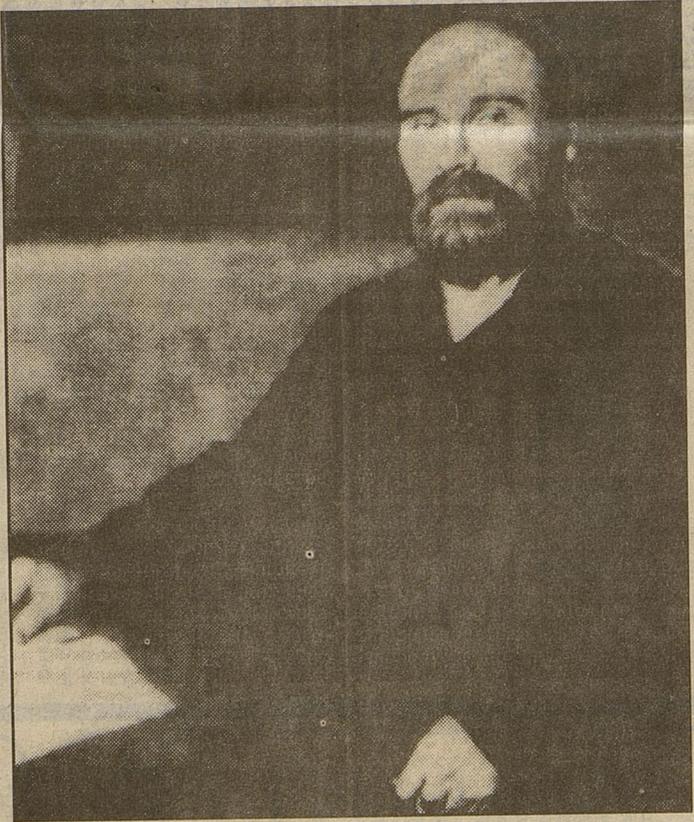
Я сладкую тепло свечу. Откуда такая сила предвидения в поэзии Клюева? Откуда такое ясновидение — в снах: «Я со стоном проснулся, потрясенный, и почувствовал приближающееся мученичество?»

Не будем тревожить экстрасенсов и Фрейда, теорию бессознательного и оккультизма, мистические учения Запада и Востока, христианство, наконец. Ведь мы говорим о снах как жанре мировой литературы. И тут уместно вспомнить старого Шекспира: «Мы созданы из вещества того же, что наши сны». Или Андрея Платонова, придумавшего как раз для такого случая странную формулу: «вещество существования» человека...

Эстетика снов Клюева сложна, но это — «цветущая сложность» (К. Леонтьев), где православие, «радости учитель» (так называется первый сон, где поэту было видение Серафима-брата — христианского подвижника Серафима Саровского), встречается с пышной ветвью западноевропейской культуры (в мечтах о том блаженном времени, когда картина Боттичелли будет в Олонейской губернии), христианская символика и библейские образы.

Это — проза поэта, впитавшая в себя и пророческую медь державного слога «моего прадеда» протопопа Аввакума («Огнялся я на себя — а уж я не мирской... И возгласили мне невидимые лики исполтное «Царь Славы» прикраты»), и волшебный динамизм пушкинского сна Татьяна («Стал подниматься я в крыльца, огни показались мертвые, как в городских квартирах, и топ, верез, цап, гуз и прыск человеческий оглушили меня. Вижу, горница на конское побежище велика и вся плясней зыбится, хогунном ходит от чертовой пляски...»), традицию гоголевского «Вия» и «Страшной мести». Не случайно и сам Николай Васильевич собственной персоной появляется «в черном весь» в сне с характерным названием «Пучина кромешная», говоря герою символические слова: «Писать больше не о чем...»

Сны Клюева не кончаются со смертью героя («И умер я») — сон продолжается. Происходит освобождение от плоти, и душа как бы играет, обретая легкость и зоркость: вдруг стало видно во все концы света...

Николай Клюев.

годам, с мучительными поисками своего направления, которые со всей остротой встали в ту пору перед новокрестьянскими поэтами:

«Ворота перед нами — столбы каменные, и на каждом столбе золотые надписи с перстом указующим высечены: направо — аллея моя, а налево... Сергея Есенина... И знаем мы, что если пойдем все по одному пути или порознь — по двум, — то худо нам будет... Сговорились и пошли напрямки... Темно кругом стало и ветряно... Вижу я фонтаны по садовым площадкам, а из них не вода, а кровь человеческая бьет...» («Два пути»). Или: «... привиделся мне сон. Будто я где-то в чужом месте, и нету мне пути обратно...» И там же, через несколько строк: «Мне же один путь вдоль рядов, по бурой грязи, в песем воздухе» («Мертвая голова»).

Достаточно вспомнить высказывания С. Есенина, А. Ганина, стихи самого Клюева и того же «обреченного Леля» С. Клычкова, хотя бы такие его строки, как «И

просекой вытянулись, и торгуют в этих ларьках люди с собачьими глазами» — кто одеждой подержанной, кто — человеческой — эпоха готовилась к страшному торгу; встречаются в снах и герои на роль исполнителей — «как бы военный, в синих брюках с красным кантиком, и пиджак на нем с нашивными офицерскими карманами, как теперь носят»; «ищайка подворотная, в пальтишке длинном, и в руке бумага»; сторож тюремный, звякающий ключами, «солдатишко-язва, этапная пустолайка» и т.д.

Фантастическое, невероятное — в ситуации сна, которая, однако, не отлетает далеко от реальности. Интересно, что спасение во сне же и приходит к герою-рассказчику (а рассказ ведется от первого лица), подвергающемуся разным способам умерщвления — через казнь или от «птичищ темных, огромных, как кедры дремучие» или от удущения ниткой, которую «прягет прыгут», или с ударом колокола, когда печать исчезнет, или с осознанием,

25.10.94